

МОЙ СМАЙЛИК

ЗЛЮСЯ РОМАНОВА

18+

Злюся Романова

Мой Смайлик

<https://litres.ru/74235477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Яна Улыбина, по прозвищу Смайлик, умеет превратить в катастрофу даже обычное опоздание на пары. Однажды она теряет кофе, разбивает телефон и буквально падает в объятия красавчика Марка. Осталось выяснить, станет ли эта нелепая встреча её самой большой ошибкой или первой настоящей любовью.

кн. 1 цикла Девчонки

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	56
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Злюся Романова

Мой Смайлик

Глава 1

Яна

Ё-маё, опять опаздываю!

Сердце стучит где-то в горле, а в голове — паническая трезвость, от которой только хуже. Пончик мне сегодня не просто секир-башка устроит — она меня в фарш порубит и слепит из остатков новую анатомическую модель для первокурсников. И будет ею хвастаться на лекциях, тыкая карандашом: «Вот, дети, посмотрите, как выглядит хроническая недисциплинированность на органическом уровне».

К слову, «Пончиком» я втихаря величаю нашего преподавателя по пластической анатомии. Ирония судьбы: она учит нас выверять до миллиметра идеальные мускулы Аполлона и нежные изгибы Венеры, а сама напоминает перекормленного ангела эпохи барокко — пухлые, будто ватные, ручки, двойной подбородок, сглаживающий все анатомические углы, и взгляд, от которого атрофируются все жизненно важные органы разом. Говорят, полные люди — добряки? Чушь и провокация! После её лекций я месяц крестила банки с тушёнкой, чтобы они меня не съели — такова была сила её

молчаливого, всепоглощающего неодобрения.

Блиин, ну почему именно сегодня?!

Надо же было не просто проспать, а провалиться в забытьи, как забальзамированный труп в учебной анатомичке — без движения, без мыслей, только тяжёлое дыхание в подушку. Виновата, конечно, вчерашняя тусовка в «Палитре»... Точнее, три фирменных коктейля с дурацкими названиями вроде «Акриловый поцелуй» и «Кишечная палитра». Но я же не какая-нибудь тряпка, я — будущий титан анимации! Поступила на бюджет, через все эти адские творческие конкурсы — значит, должна выучиться. Должна!

Где же этот несчастный носок?!

Я металась по комнате, переворачивая подушки и вороша груды «условно чистого» белья. До семинара — всего ничего, а я тут скачу, как папуас на раскалённых углях, в поисках одной пары полосатого хлопка. Так, всё, иду без второго носка. В конце концов, не зима ведь — всего лишь начало ноября. «Золотая осень», блин. Самое время для голых щиколоток и надежд, что простуда обойдёт стороной.

Натягиваю меховые кроссовки на босу ногу, накидываю куртку, обматываюсь шарфом, который в спешке больше похож на бинт взъерошенной мумии, и с грацией гиппопотама на роликах вываливаюсь из комнаты общежития в коридор.

И бегу. Несусь по длинному линолеумному тоннелю, как таракан, застигнутый резким светом на кухне — стремительно, отчаянно, всеми своими шестьюдесятью килограммами.

Волнистые каштановые волосы торчат нечёсаной щёткой (ну, не успела — бывает!), светло-карие глаза от ужаса и недосыпа стали широкими, как блюдца, рюкзак, набитый тяжёлыми учебниками, оттягивал плечи, а жвачка со вкусом «арбузной свежести» хоть как-то пыталась освежить дыхание после вчерашних коктейлей. Обычная история утра понедельника.

— Смайлик, ты куда это несёшься, ураган?! — раздаётся голос справа, и я чуть не влетаю в Верку, мою знакомую с... какого-то там гуманитарного факультета. Стоит себе, языком чешет с подружками — зараза, никуда не спешит! А я то спешу.

— Посторонись, жизнь решается! — кидаю я ей, не сбавляя темпа, и продолжаю свой олимпийский забег с препятствиями. Перепрыгиваю через забытое уборщицей ведро с тряпкой и исчезаю в темноте коридора.

К слову, бегаю я на самом деле неплохо. И не потому, что с пелёнок спортом занималась или мечтала о марафонах. Всё куда прозаичнее: я с этих самых пелёнок везде и всюду опаздываю. В садик, в школу, на свидания, на автобусы. Ну вот стиль жизни у меня такой!

Помню, на вручении аттестатов, наша директор — милейшая Армине Гагиковна (отчество, конечно, язык сломаешь) — положила мне в руки заветную корочку, посмотрела своими умными, тёплыми глазами и с грустной, понимающей улыбкой сказала:

— Улыбина... Знаешь, ты могла бы горы свернуть. Реальные. Если бы не одно твоё маленькое, но упрямое «но».

Её указующий перст, украшенный скромным перстнем, торжественно взметнулся вверх, будто она указывала на путь к просветлению.

— Точность — вежливость королей, дорогая! Запомни это раз и навсегда.

И тут же, не выдержав серьёзности момента, легко щёлкнула меня по курносому носу.

Вслед за этим раздался сдержанный, добродушный хохот учителей, столпившихся рядом. А я стояла, красная, как ассорти из спелой помидорки и отварной свеколки, чувствуя, как жар разливается от щёк до ушей.

Но ровно через секунду, не в силах сопротивляться заразительному смеху и этому щелчку, который стёр всю напускную важность церемонии, я не выдержала, и сама расплылась в своей фирменной, до ушей, улыбке. Ну, а как по-другому? Смайлик же.

Глава 2

Яна

Мысль о том, что я мчусь, как загнанная лошадь, а в горле у меня Сахара, пришла ко мне ровно в тот момент, когда я с визгом тормозов миновала поворот. Учебный корпус уже маячил вдали зловещей бетонной глыбой, но между мной и ним лежала дистанция, сравнимая, по ощущениям, с марафоном. И киоск «Пресса».

Этот киоск был не просто точкой продаж. Это был оплот надежды для всех опаздывающих студентов: сигареты для нервных, шоколадки для голодных и, самое главное, ледяная вода для умирающих от жажды спринтеров вроде меня. А в киоске была тётя Люда — местная фея-спасительница, которая выручала студентов то водичкой, то ручкой, то последней тетрадью в клетку.

«Только быстро. На раз-два. Заскочить, схватить, отдать деньги. Никаких разговоров», — бубнила я себе под нос, сбивая дыхание. — «Только бы не опоздать, только бы не опоздать... Пончик, если ты меня съешь, у тебя будет несварение от моей не выпавшейся печени, я тебя предупреждаю!»

Я рванула к киоску, притормаживая рядом с витриной, заставленной яркими обложками глянцевого журналов. В окошке, как и ожидалось, виднелась знакомая причёска-пу-

чок и доброе, вечно уставшее лицо.

— Воду, п-пожалуйста! Холодненькую! — выдавила я, роясь в карманах куртки. Откуда-то выпал чек из «Вкусно и почка», смятая записка с загадочной пометкой «быть в 19:00» и три конфетных фантика.

— Холодная только «Родничок». — невозмутимо сообщила тётя Люда, даже не глядя на холодильник. Она, кажется, знала его содержимое наизусть.

— Давайте «Родничок»! — почти взмолилась я, суя ей в руки найденную купюру. Казалось, каждая секунда ожидания капала на мою совесть раскалённым свинцом. Я мысленно уже видела, как Пончик начинает лекцию, поправляя мольберт со схемой скелета и бросая многозначительный взгляд на моё пустое место.

Схватив бутылку, я рванула дальше, не дожидаясь сдачи, крикнув на бегу: «Спасибо, тёть Люд, вечером заберу!». Её спокойное «Ладно, Смайлик, беги» прозвучало мне вслед как благословение.

Дальнейший путь лежал через небольшую асфальтированную площадку — излюбленное место дислокации кафедрального голубино-го парламента. Сегодня тут заседала целая стая, важно и мерно поклёвывая разбросанные кем-то крошки. Они расхаживали с таким невозмутимым, бюрократическим видом, будто решали судьбы мира, а не подбирали остатки чьей-то булки.

Оббегать — далеко. Бежать сквозь них напрямую — быст-

рее.

«Голубки, милые, не обессудьте, тут дело жизни и смерти!» — мысленно взмолилась я и, не сбавляя скорости, врезалась в пернатую делегацию.

Наступил хаос, достойный съёмочной площадки триллера. С десятков возмущённых, откормленных птиц с громким хлопанием крыльев и негодующим воркованием взметнулись в воздух. Перья полетели во все стороны. Один особенно солидный голубь, видимо, председатель собрания, едва не задел меня крылом по лицу, выражая всем своим видом глубочайшее презрение к человеческой бесцеремонности. На секунду я бежала в облаке паникующих птиц, чувствуя себя разрушителем благодной идиллии.

— Извините! — крикнула я уже удаляющейся стае, отплевываясь от воображаемого пера. — Пластическая анатомия, поймите меня...!

Выскочив на финишную прямую к корпусу, я, задыхаясь, открутила крышку и залпом хлебнула воды. Она была тёплой. Совсем не «Родничок». Ё-маё, тётя Люда, ну как так-то! Но даже тёплая жидкость показалась нектаром. Одной рукой протирая пот со лба, другой придерживая бьющееся о грудную клетку сердце, я рванула к дверям.

«Всё, Смайлик, ты либо герой, либо труп. Либо и то, и другое!».

Я влетела в здание, и дверь с грохотом захлопнулась позади, отрезая меня от мира, возмущённых голубей и тёти

Люды с её условно-холодным «Родничком». Осталось только подняться на третий этаж и узнать свою судьбу.

Глава 3

Яна

До института в этот раз я долетела, в принципе, быстро. Даже выкроила у судьбы целых пять минут на стратегически важный латте из коричневого автомата в холле — тот самый божественный нектар, который по вкусу напоминает жженую промокашку со слабым, но гордым намёком на кофе. Это был акт самоуспокоения: держа стаканчик, я почти верила, что успею.

Иллюзия контроля длилась ровно до первого поворота в главном коридоре. Тут начался цирк. Я пыталась совершить невозможное: удержать на плече сползающий рюкзак, набитый альбомами и книгами; распутать шарф, который вдруг восстал и решил задушить меня с особой жестокостью; и, самое главное, не пролить на себя обжигающую жижу из стаканчика, который норовил выскользнуть. В этот момент из недр куртки оглушительно взвыла сирена. Не звонок, не мелодия — именно сирена, будто где-то рядом начался апокалипсис.

«Да чтоб тебя!» — мысленно выругалась я, похлопывая по карманам джинсов, куртке, рюкзаку — но эта техника-предательница продолжала орать, будто её режут.

В отчаянии я сделала резкий поворот и...

И... БАМ!

Я врезалась. Не в холодную штукатурку, а во что-то твердое, упругое и на удивление теплое. Мир перевернулся. От неожиданности пальцы разжались сами собой. Мой драгоценный, обжигающий латте описал в воздухе дугу и шлёпнулся на пол, а злосчастный телефон, вырвавшись на свободу, звонко отскочил куда-то в сторону. Я же, инстинктивно изогнувшись в дугу (спасибо, школьная физра, хоть что-то пригодилось!), полетела назад, чувствуя, как теряю равновесие.

Пятая точка: удар.

Телефон: трещина.

Достоинство: уничтожено.

А потом... потом случилось странное. Вместо ожидаемой боли в затылке я ощутила тепло. Чью-то руку, мягко принявшую моё падение. И в лицо ударил чистый, холодный аромат — мята, смешанная с запахом свежей кожи. И ещё... теплое, нежное прикосновение к моим губам. На секунду всё замерло.

Я в шоке. Мой мозг отключился. Да я, кажется, дышу не тем, чем нужно. Я лежу на полу институтского коридора, а надо мной, опершись на локоть, застыл он.

Мистер-Совершенство.

Тёплые карие глаза, в которых плескался не испуг, а самый что ни на есть искренний, живой смех. Высокие скулы, слегка растрёпанные тёмные волосы, падающие на лоб. «Господи, — пронеслось в голове пустой, сияющей мыслью, — да

он прямо с обложки того журнала, что продаёт тётя Люда!»

Он осторожно убрал руку с моего затылка, которой, видимо, и смягчил мой удар о пол, и легко поднял меня, будто я была не шестидесяти кило живого веса и паники, а пуховая подушка.

— Ты в порядке? — его голос был низким, спокойным, и в нём всё ещё звенела усмешка.

А я стою, только глазами хлопаю. Вот же тормоз, давай, отмирай, ругаю себя.

— Ооо, да, спа-спасибо тебе – выдавливаю я.

Моё лицо:

Краснеет.

Бледнеет.

Возможно, синее (но это не точно).

Боже, как же неловко!

— Эээ... — попыталась я собрать рассыпавшиеся мысли в подобие связной фразы. — Я... я очень спешу...

— Я так и понял, — он рассмеялся открыто, и в уголках его глаз собрались лучистые морщинки.

Этот смех добил меня окончательно. Я продолжила немое шоу «радуга на лице», чувствуя, как уши наливаются жаром.

— Я Марк, — сказал он просто, протягивая руку. Чистый, прямой взгляд.

— Я... Яна, — пролепетала я, вкладывая свою холодную от стресса ладонь в его.

Его пальцы оказались сухими и очень тёплыми. А мои ко-

лени вдруг стали абсолютно ватными, предательски подрагивая. В голове, где секунду назад был хаос, воцарилась кристальная, обречённая ясность.

Всё. Я влипла. Бездёжно, бесповоротно и, кажется, намертво.

Глава 4

Яна

В тот день до пар я так и не добралась — судьба, видимо, решила, что знакомство с Марком куда важнее скучных лекций по пластической анатомии. Да и что это за Пончик по сравнению с живым человеком, который еще и выступил в роли демпфера при моем падении? Выяснилось, правда, что мой спаситель не только поймал меня в полете, но и в процессе благородно содрал кожу на руке о грубую фактуру университетского пола.

— Какой кошмар, — сказала я, рассматривая его ладонь с краснотой и содранной кожей на костяшках. Чувство вины накрыло как цунами.

— Зато теперь мне положен трофей за героизм, — рассмеялся он, словно это была не травма, а почетный знак.

— Конечно положен! С меня что хочешь... ну, почти что хочешь, — уточнила я, чувствуя, как снова краснею. — Но сначала давай обработаем твои трофеи!

Мы устроили импровизированный медпункт на первой же лавочке у института. Я вывалила на скамейку весь ассортимент своей походной аптечки, которую носила с собой на случай творческих катастроф: пузырёк зелёнки, жгущей, как адское пламя, перекись, которая шипела на ранах белыми пузырями, и единственные имевшиеся пластыри — с ми-

лыми котиками и собачками. Потому что они такие «миииилые», а в аптеке других просто не было.

— Держись, сейчас будет больно, — предупредила я с важностью полевого хирурга, смачивая ватный диск в перекиси.

Марк скривился, когда жидкость зашипела на царапинах, но тут же рассмеялся, потому что я, по давней детской привычке, прошептала свой фирменный заговор:

— У кошечки боли, у собачки боли, а у Марка — заживи!

— Ну, после таких заговоров точно заживёт, — усмехнулся он.

— А то! Ты уж мне без «ха-ха» давай. Я-то знаю, что точно поможет.

— Ну, я как-то так и подумал, глядя на тебя, — его взгляд стал игривым.

— А что ты там такого подумал, глядя на меня?

— Много чего, — он загадочно улыбнулся. — Но об этом я тебе расскажу чуть позже.

— Заинтриговал. И как теперь дождаться этого «чуть позже»?

— Очень просто. Давай лепи своих котиков и собачек, а потом пойдём вон в ту кофейню, — он показал рукой на уютную кафешку через дорогу. — благодарить меня будешь.

Мы устроились за маленьким столиком у окна. Я заказала большую кружку травяного чая с мятой — его аромат напомнил мне о нашем столкновении — и тарелку ещё тёплых,

румяных пирожков с капустой. Марке же ограничился экспрессо.

Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь стекло, мягко перебирали пряди его волос. Они были того самого оттенка, который в моём внутреннем каталоге значился как «молочный шоколад» — да-да, именно молочный, ведь он, по моему твердому убеждению, куда вкуснее тёмного. Его карие глаза, в которых уже не было прежнего смеха, а светилось добродушное, спокойное внимание, казалось, изучали мир с неподдельным интересом. Вся его осанка, неторопливые движения — всё излучало такую уверенную, тихую надёжность, что я невольно залюбовалась. Это было приятнее, чем разглядывать античные статуи в учебнике по анатомии.

— Яна, а почему ты выбрала именно анимацию? — неожиданно спросил он, когда разговор зашёл о нашем обучении. Вопрос прозвучал без пафоса, с искренним любопытством.

Хороший вопрос. Настоящий, честный ответ был бы слишком сокровенным: потому что моя голова — это вечный мультсериал канала «Ну погоди!» с элементами абсурдной фантастики, где плюшевые мишки торгуют контрабандным мёдом на чёрном рынке, а коты в цилиндрах строят межгалактическую империю на пустых банках из-под «Жигулёвского». Но вываливать всю эту начинку при первом же чаепитии казалось опрометчивым.

— По той же причине, по которой ты стал... инжене-

ром-конструктором и создателем дронов-убийц в одном лице, — улыбнулась я, размахивая своим пирожком для пущей убедительности. — Ты с детства, наверное, обожал разбирать папины часы и собирать обратно, чтобы они тикали громче. А я в это самое время разбирала по косточкам диснеевских принцесс, чтобы понять, как они так плавно машут ресницами. Ты решал олимпиады по физике, а я ставила рекорды по количеству пролитых слёз на «Хатико» и «Короле Льве». Просто разные способы познания мира. Твой — через формулы, мой — через... ну, через вот это, — я ткнула пальцем в свой висок.

Марк рассмеялся так заразительно и открыто, что у меня в животе немедленно объявили фестиваль «Нашествие». Бабочки, дремавшие до этого момента, пустились в самозабвенный пляс, кузнечики завели рок-группу, и вообще вся внутренняя энтомологическая братва дружно сорвала крышечку.

— Тебе часто говорят, что ты забавная? — спросил он, отодвигая пустую чашку.

— Примерно раз в пять минут, — пожала я плечами, стараясь сохранить невозмутимость. — Надо же как-то оправдывать фамилию — Улыбина, между прочим! Хотя для особо приближённых лиц есть упрощённый вариант — просто Смайлик. Это почти что титул.

Он кивнул, принимая это к сведению, как будто заносил в какую-то внутреннюю анкету. Мы болтали ещё о чём-то лёг-

ком и неважном — о музыке, о странных привычках преподавателей, о том, как пахнет наш институт в разных его концах. И время, которое до этого гнало меня с сиреной, вдруг растеклось медленным, тёплым мёдом.

Расстались мы только когда начало темнеть, и синее небо наливалось фиолетовыми чернилами. Марк расплатился в кафе и к моему удивлению и тайной радости, проводил меня аж до самого общежития — настоящий рыцарь пешего эскадрона и защитник от всех мнимых опасностей тёмного переулка между корпусами.

— Спасибо за медобслуживание, Смайлик, — улыбнулся он на прощание, и его глаза в сумерках казались ещё теплее и глубже.

— Спасибо за... ну, за то, что не раздавил при столкновении, ну и за чай с пирожками, — выдавила я, чувствуя, как снова начинается предательское светошое на лице.

— Кстати, я ведь тебя так и не отблагодарила, — вдруг выпалила я, когда мы уже почти дошли до тускло освещённого подъезда моего общежития. Слова сорвались сами собой, будто я пыталась хоть как-то уравновесить щедрость этого дня.

Марк остановился и посмотрел на меня с искренним, неподдельным удивлением.

— Ну почему же? Отблагодарила!

— Не понимаю, — я беспомощно развела руками, чувствуя, как в голове путаются все логические цепочки.

— Ты же составила мне компанию в кафе, потратил на меня своё время... Разве это не самая большая награда?

Я замерла. «Ничего себе, — пронеслось у меня в голове, и мир на миг замер. — А что, так можно было?! Не считать минуты, не взвешивать, кто кому больше должен, а просто... радоваться времени, проведённому вместе?»

Эта простая, честная мысль ударила в самое сердце, и у меня в животе снова закружился тот самый фестиваль, но теперь под тихую, удивлённую музыку.

На прощание я помахала ему рукой и быстрыми перебежками, которые в моём воображении выглядели лёгкими и элегантными, а на деле, наверное, напоминали побег испуганного оленёнка, добежала до входа в общежитие.

Рухнув на кровать в своей комнате с грацией перевёрнутой черепахи, я уставилась в потолок и с ужасом осознала страшную, неизбежную правду. Это не просто симпатия от столкновения. Я влюбилась. Не просто влюбилась, а с разбегу, со всего маху умудрилась вляпаться в свою первую, самую настоящую, зефирно-розовую и абсолютно безнадёжную (ну, на первый взгляд) любовь. И всё это к парню, чьи карие глаза излучали столько спокойного тепла, что, казалось, могли бы отапливать наше холодное общежитие всю предстоящую зиму.

Глава 5

Яна

Институтские коридоры в эту пятницу тонули в особенно безнадежном, будничном свете. Серые стены, протёртая чуть ли не до дыр серая плитка цвета школьной мыши, вечный химический запах дезинфекции, от которого щипало в носу — всё это работало как мощное, неумолимое напоминание: «Улыбина, ты здесь не для того, чтобы рисовать в полях тетради сердечки, а чтобы методично, со скрипом, грызть тот самый гранит науки».

В аудитории №34, пристанище философии и всех моих нефилософских грёз, высокие окна, не мытые, кажется, с прошлой пятилетки, пропускали ровно столько сероватого дневного света, чтобы не уснуть окончательно и не упокоиться на парте вечным сном. Но катастрофически мало, чтобы хоть одна живая мысль могла взбодриться и вырваться на свободу. Зато этого света было идеально достаточно, чтобы подчеркнуть мириады пылинок, которые начинали свой лихорадочный, хаотичный танец в воздухе, едва старичок Аркадий Кириллович — живое воплощение аскетизма — принимался ворошить свои пожелтевшие, испещрённые пометками конспекты. Создавалось ощущение, что пыль — это его мысли, материализовавшиеся за долгие годы преподавания.

С Марком в будние дни мы существовали в параллельных,

лишь изредка пересекающихся реальностях. Его мир был заселён формулами, чертежами и кнопками, мой — пропорциями, раскадровками и вечными сомнениями, достаточно ли у меня таланта. Нас разлучал ненасытный «гранит науки», требовавший постоянных и щедрых жертвоприношений в виде зубов, нервных клеток и, что обиднее всего, ночного сна. Хотя, если честно, мой сон и так давно превратился в жалкую пародию на отдых — слишком много мыслей вертелось вокруг Марка, слишком много черновиков сообщений, которые я писала, стирала, перечитывала по пять раз, добавляла смайлик, убирала его, ставила снова и только потом, с замиранием сердца, нажимала «отправить».

Наша переписка в чате была шедевром абсурда и напоминала диалог гиперактивной белки, объевшейся шоколада, с суровым, немногословным IT-шником. Мои сообщения были настоящими словесными джунглями, где буйно цвели тропические лианы из эмодзи, случайные ассоциации и воспоминания прыгали с ветки на ветку, а знаки препинания в панике разбегались кто куда, подчиняясь только моему сиюминутному настроению. На этом пестром, кричащем фоне ответы Марка выглядели как спартанский кодекс, высеченный в граните: «Да», «Нет», «Давай», «Ок» — будто он платил суровую дань по десять рублей за каждое лишнее слово.

Но за этой поразительной словесной экономией я очень быстро разглядела главное — он отвечал почти мгновенно. Даже в такие часы, когда нормальные, адекватные лю-

ди, не обременённые романтическими терзаниями, уже видели третий сон. Что, впрочем, было неудивительно — я ведь та самая сова, у которой в три ночи «ещё рано спать, тут целый интернет непросмотренный», а в одиннадцать утра «тьма крошечная, ещё ночь, отстаньте все».

Мы будто играли в бесконечный пинг-понг через несколько временных зон, где мячиком служили мои бессвязные, но искренние мысли вроде «представляешь, соседский кот сегодня утром пытался поймать солнечного зайчика и свалился с тумбочки!», а его ракеткой — те самые лаконичные, но всегда точные ответы: «Цел?», попадавшие прямо в цель моего ожидания.

Каждые выходные я с энтузиазмом экскурсовода-садиста таскала Марка на самые разные приключения. Наша стандартная программа развлечений, отточенная до автоматизма, включала:

1. Экстремальное велопадение на аллеях ВДНХ.

Мой фирменный трюк — грациозно грохнуться на идеально ровном месте, зацепившись взглядом за интересную архитектуру, а не за дорогу. Его роль — героически сдерживать смех, пока он поднимает меня, велосипед и моё пошатнувшееся достоинство.

— Ты специально ищешь эти кочки?

— Это не кочки, это аномалии асфальта!

— Пожалей свою пятую точку, Смайлик!

2. Научный подсчёт и классификацию белок в Сокольни-

ках.

Я, указывая на пушистого зверька: «Смотри, этот пушистик — явно прямой потомок Рапунцель! У неё ведь таким же цветом волосы, как и его хвост!»

Он, прищурившись: «Кто такая Рапунцель?»

Я, в ступоре: «...»

Он, невозмутимо: «Это, кстати, самец.»

Я так и не смогла в тот день восстановить дар речи. Как можно не знать Рапунцель? Это же базовый культурный код!

3. Гастрономический разврат в виде мороженого в парке Горького.

Я — классический консерватор: «клубничное», без вариантов. Проверено поколениями, безопасно для психики и вкусовых рецепторов, идеально. Он же — гастрономический мазохист и экспериментатор.

Его выбор каждый раз вызывает у меня тихий ужас: то «солёная карамель», от которой он незаметно морщится, будто случайно отхлебнул уксуса, то вдруг решит попробовать «чесночное» или «кукурузное» — мороженое, от одного названия которого у меня сводит скулы.

Но что самое удивительное — на следующей неделе он снова тянется к ларьку с видом первооткрывателя и выбирает нечто столь же сомнительное.

— Зачем? — допытывалась я. — Тебе же не нравится!

— Интересно!

— Может, просто возьмёшь шоколадное?

— Неее. Это слишком просто.

Мы были странной, но ужасно гармоничной парой (во всяком случае я так считала): я — вечный двигатель в потрёпанных джинсах с фирменной дыркой на колене (она появилась после первого же велопадания), он — спокойный, немного отстранённый наблюдатель в своей потёртой до благородного блеска кожаной куртке. Но мне безумно нравилось, как он смотрел на все мои сумасшедшие идеи — с той самой смесью искреннего удивления и тихого восхищения, с каким учёные, наверное, смотрят на редкое, необъяснимое природное явление. Видимо, мои выходки были для него чем-то вроде бесплатного, но очень увлекательного стендап-шоу с абсолютно непредсказуемым сюжетом.

Хотя... в тишине, которая наступала после наших прощальных «пока» и тех самых быстрых, дружеских объятий, я всё чаще ловила себя на одной и той же мысли. Эти объятия — это как десерт без сахара. Вроде все формальности соблюдены, ритуал завершён, но на душе остаётся странное, щемящее послевкусие «чего-то недостаёт». Особенно в те моменты, когда его рука случайно касалась моей и я замечала, как его пальцы на одну едва уловимую, растянутую секунду задерживаются на моём запястье дольше, чем того требовала простая вежливость. А потом он отводил взгляд, и я думала — показалось.

На лекциях по философии я частенько витала в таких облаках, что Аркадию Кирилловичу стоило бы выдавать мне

кислородную маску. Особенно когда он своим монотонным, скрипучим, как несмазанная дверь, голосом начинал бубнить что-то про трансцендентальную эстетику и априорные формы чувственности.

Солнечный луч, с трудом пробивавшийся сквозь немытое, в подтёках окно, рисовал на разлинованной странице моей тетради причудливые блики, и в этих бликах я ясно представляла, как мы с Марком, наконец-то, целуемся под летним, тёплым дождём где-нибудь на пустой лесной тропинке в Сокольниках, а местные белки, забыв про шишки, с восток одобрительно аплодируют нам своими пушистыми хвостами. Да, мечтать я умею!

— Улыбинааа!

Голос Аркадия Кирилловича, сухой и резкий, как удар хлыста по голой спине, выдернул меня из сладкой грёзы, где Марк наконец-то перестал быть таким сдержанным и говорил не односложно, а целыми, сложноподчинёнными предложениями о своих чувствах.

Преподаватель стоял прямо передо мной, сухонький, как осенний лист после заморозков, и смотрел на меня с хитрой, всё понимающей ухмылкой. Его седые, кустистые брови, похожие на двух спавших ёжиков, почти сливались с морщинами на высоком лбу, образуя забавный, но от этого не менее грозный узор.

— Закончили, барышня, подсчёт ворон за окном? Или, может, составляли каталог всех видов облаков, проплываю-

щих мимо нашего института в поисках истины? — спросил он, методично постукивая костяшками пальцев по крышке моей парты. Этот стук звучал как отсчёт последних секунд моей академической репутации.

— Закончила! — автоматически улыбнулась я во все свои тридцать два зуба, чувствуя, как по щекам разливается предательский, горячий румянец. Где-то сзади приглушённо хихикнули одноклассницы, наслаждаясь зрелищем.

— Чудесно, просто восхитительно. Тогда не откажите нам, несведущим, в любезности и просветите нас всех насчёт сути категорического императива Иммануила Канта. Жду с неподдельным интересом. — Он сложил руки на груди, приняв позу мудрого сфинкса.

Мой мозг лихорадочно заскрипел, пытаюсь запуститься, словно старый компьютер, на котором внезапно потребовали запустить сложнейшую графическую программу. Кант? Серьёзно? Сейчас, когда все мыслительные ресурсы безраздельно заняты розовыми слониками?

Я судорожно попыталась нащупать в памяти хоть какую-то нить из вчерашнего, небрежно написанного конспекта, но вместо философских трактатов перед внутренним взором чётко встало лицо Марка — такое, каким я видела его в прошлую субботу, в тот самый момент, когда он ловко, одной рукой, поймал моё клубничное мороженое, которое я, размахивая руками, едва не уронила себе на новую светлую ветровку.

— Ну... это... — замялась я, чувствуя, как язык превращается в ватный и абсолютно бесполезный орган. — Это когда надо поступать так... как хотел бы, чтобы... ну, поступали все. Вроде золотого правила «не делай другому того, чего не желаешь себе», только... сложнее, скучнее и с обязательным немецким акцентом. Я... я подготовлю к следующему семинару подробный, исчерпывающий доклад! С презентацией! Со схемами! — выпалила я, делая ставку на проверенную тактику отсрочки и надеясь, что к следующему семинару или Кант помрёт окончательно в мыслях педагога, или я сама.

Аркадий Кириллович усмехнулся, и его многочисленные морщинки сложились в новую, уже более снисходительную конфигурацию, выражавшую что-то вроде «ах, молодость, глупость, но я всё понимаю».

— Что ж, буду ждать с нетерпением, барышня Улыбина. Надеюсь, ворон в вашем докладе не будет?!

Фух! Пронесло! Чувство облегчения было таким сладким и головокружительным, что настроение моментально взлетело до небес, обогнав по пути пару голубей... А потом оно подскочило ещё выше, достигнув самой стратосферы, когда я, выкатившись после пары в полубоморочном состоянии из аудитории, увидела его.

Глава 6

Яна

Звонок, прозвеневший, казалось, через вечность, вызвал в аудитории оживление, похожее на побег из мест не столь отдалённых. Студенты дружно захлопывали тетради, шуршали рюкзаками и, переговариваясь, потянулись к выходу, создавая в проходе живую, нетерпеливую реку. Меня, застрявшую у окна, слегка понесло этим потоком. Какая-то девушка с длинным хвостом, кажется, её звали Алиса, нечаянно ткнула мне в бок углом увесистого учебника.

— Ой, извини!

— Ничего, — буркнула я, пробираясь к выходу, как лосось на нерест, только цель у меня была куда приятнее, чем холодная горная река. В голове стучала одна навязчивая мысль: «Вот сейчас в столовку. Булочка с изюмом, горячий чай... Живот уже бурлит не от философских категорий, а от банального голода».

И вот я вываливаюсь из аудитории в коридор и встречаюсь взглядом с ним.

Марк стоял, непринуждённо прислонившись к стене напротив, засунув руки в карманы своей верной, слегка потрёпанной кожаной куртки, и смотрел прямо на меня. Не в телефон, не в окно, а именно на дверь, из которой я должна была появиться. И на его лице блуждала спокойная, чуть иронич-

ная в уголках губ и невероятно, до мурашек тёплая в глазах, улыбка. От одной этой улыбки у меня моментально подкосились ноги, будто кто-то выбил из-под них опору. Ну я и кисейная барышня, честное слово.

Солнечный луч, падавший из окна в конце длинного коридора, пробивался сквозь облако пыли, поднятое только что хлынувшим потоком студентов, и золотил его профиль. Свет играл на высоких скулах, подсвечивал отдельные пряди волос цвета молочного шоколада, делая его похожим не на простого студента-технаря, а на героя какого-то старого, немого, но до невозможности красивого романтического фильма. Того, где герои объясняются взглядами, а счастье находят, просто гуляя под руку. Ё-моё, меня уносит тайфуном романтики, а у меня ещё булочка не съедена.

Поток студентов обтекал нас, как вода камень в ручье. Кто-то бросил любопытный взгляд, кто-то, улыбнувшись, прошёл мимо. Но для меня в этот момент вокруг существовал только он.

— Привет, Смайлик, — сказал он, легко оттолкнувшись от стены. Голос у него был низковатый, спокойный. — Освободилась от философских оков?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Казалось, если я открою рот, наружу вырвется не связная речь, а радостный визг или каскад бессмысленных смайликов.

— Вижу, что да, — он оценивающе осмотрел меня, и его взгляд задержался на моём, наверное, всё ещё слегка оша-

рашенном лице. — Выглядишь... философски озадаченно. Кант не по зубам?

— Откуда ты знаешь? — удивилась я, чувствуя, как снова начинаю краснеть.

— Я заглянул в аудиторию как раз в тот самый момент, когда Аркадий Кириллович пытался вызвать в тебе желание поговорить о возвышенном. Очень драматично было.

— Вот блин, — выдохнула я, представляя эту картину со стороны.

— Не расстраивайся, Смайлик. Ты выглядела достойно.

— Ага, так я тебе и поверила, — приуныла я. То ещё удовольствие — когда парень, который тебе нравится, видит, как ты садишься в философскую лужу по самую макушку.

— Ну, не по зубам мне пока этот самый Кант, — выдавила я, находя в себе силы улыбнуться. — Но это временно! Вот как займусь в выходные...

— Не получится, — спокойно прервал он.

— Что значит «не получится»?

— Планы у тебя на выходные другие. И они далеки как от Канта, так и от философии в целом.

— Например? — сделала я шаг навстречу.

— Например, проверим, не облысели ли белки. Только не в Сокольниках, а в другом, более живописном месте.

— Что ты имеешь в виду?

— Поедешь со мной за город. Познакомлю с друзьями. Они, конечно, шалопаи ещё те, но я знаю их столько лет, что

они для меня как семья.

Я замерла на секунду. За город? К друзьям, которые для Марка были как семья? Это звучало уже не как простая прогулка, а как что-то... серьёзное. Что-то вроде официального представления миру, пусть и маленькому.

— А чего бы и не съездить? — набралась я храбрости, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Не боишься? — он приподнял бровь, и в его взгляде промелькнула шаловливая искорка.

— Да с тобой хоть на край земли, — махнула я рукой с показной бравадой, хотя внутри всё трепетало, как осиновый лист.

Марк рассмеялся, и этот звук наполнил весь коридор таким теплом, что даже серые стены будто посветлели.

— Смотри, Смайлик, а вдруг позову — не отвертишься.

Я только улыбнулась в ответ, чувствуя, как на щеках расцветает тот самый предательский румянец. А что тут скажешь? Правда ведь. Куда он — туда и я.

Он проводил меня до самого общежития, и мы договорились, что завтра утром он зайдёт за мной. Детали были туманны — «да где-то под Сергиев-Посадом», «да домик старенький», «да шашлык, наверное» — но от этой неопределённости стало только интереснее и волнительнее.

«Ну, белок, значит белок, — пронеслось у меня в голове, пока я позже в комнате пыталась уместить в рюкзак вещи, которые теоретически могли понадобиться за несколько

дней где-то там, на даче у друга. — Ворон я уже сегодня посчитала с лихвой на целый семестр вперёд, теперь очередь за пушистыми хвостами... и, кажется, за чем-то гораздо более важным».

Глава 7

Яна

Субботнее утро встретило нас с Марком затхлым воздухом электрички. Обшарпанные сиденья скрипели под нами, будто возмущаясь нашим присутствием, а за окном мелькали серые подмосковные пейзажи — заснеженные поля, редкие перелески, покрытые инеем, и дымчатые силуэты далёких деревень, утопающих в декабрьской дымке.

Солнце, бледное и нерешительное, пробивалось сквозь низкие облака, окрашивая снег в нежные, розоватые оттенки. Казалось, сам мир за окном дремал, укутанный в белое, пушистое одеяло.

В нашем условном «VIP-вагоне» — где не было бродяг, но царили вечно недовольные бабушки с авоськами — витал густой микс запахов: вчерашних пельменей, мятной жвачки и старой пыли. Где-то на заднем сиденье дребезжал динамик, из которого лилась какая-то забытая песня девяностых, звучавшая как голос из другого времени.

— Представляешь, — болтала я, уютно устроившись на плече у Марка и чувствуя, как его тепло проникает сквозь толстый свитер, — если бы все коровы вдруг объявили забастовку? Мир бы рухнул за неделю! Ни молока, ни сыра, ни йогуртов...

Марк рассмеялся, и я почувствовала, как его грудь вздрог-

нула. Его пальцы, тёплые и чуть шершавые, нежно поправили мою выбившуюся прядь волос из-под шапки.

— Тогда пришлось бы срочно переходить на овсяное молоко, — ответил он, прищурившись. — Или, может, ты готова стать веганом ради спасения человечества?

— Только если веганы начнут печь пирожки с мясом.

Рядом сидела пожилая женщина в клетчатом платке, которая с самого начала поездки бросала на нас неодобрительные взгляды, словно наш смех и близость оскорбляли самую суть серьёзного субботнего утра.

— Молодёжь нынче... — пробормотала она, качая седой головой и выразительно хрустнув газетой.

— Ага, — шепнула я Марку, притворно вздыхая, — мы такие ужасные. Наглые, смеющиеся и... о ужас! — я потрясла пачкой чипсов, которую достала из рюкзака.

— Особенно когда хрустим чипсами в священной тишине пригородной электрички, — согласился он с невозмутимо-серьёзным лицом. — Это же настоящий криминал против общественного спокойствия.

Мы снова рассмеялись, а бабушка уткнулась в газету, видимо, решив, что бороться с нашей «развращённостью» бесполезно.

Станция «Хотьково» (или «ХотьКово», как мне больше нравилось это выговаривать) встретила нас морозной, хрустальной тишиной, резко контрастирующей с грохотом поезда. Снег под ногами скрипел мелко и звонко, а старый вок-

зал, покрашенный в выцветшие жёлто-бежевые тона, напоминал декорацию из вестерна — только вместо ковбоев вокруг сновали закутанные в пуховики горожане с сумками. Воздух был свежим, колючим и невероятно чистым, пах хвоей и этой особой, зимней свежестью, от которой щиплет в носу и немного слезятся глаза.

У обочины терпеливо ждала потрёпанная иномарка — этакий боевой конь, прошедший не одну кампанию по подмосковным грунтовкам, но ещё бодро ржущий при виде открытой дороги. А за рулём восседал... ну, как бы скромнее сказать... второй Ален Делон, только с местными дополнениями. Голубые глаза, в которых плавился лёд, с самоуверенностью и ухмылкой, от которой даже GPS, казалось, терял ориентацию, и бицепсам, очертания которых угадывались даже под плотной зимней курткой. Да-да! Он был одет, но моё разыгравшееся воображение уже давно нарисовало подробную 3D-модель.

— Смайлик, дыши, — рассмеялся Марк, щёлкая пальцами перед моим носом, словно выводя меня из лёгкого ступора. Его дыхание пахло мятной жвачкой, а в глазах плескалось весёлое, понимающее веселье. — Это Тимур, мой друг детства. Не обращай внимания на внешность, внутри он тот еще засранец.

— А что я, я ничего! — смущённо фыркнула я, чувствуя, как предательское тепло разливается по щекам.

— Что ты сразу всю правду про меня выложил, Марк?

— подмигнул Тимур, легко захлопнув дверь машины. — Я только собирался создать ореол загадочности, а ты уже всё впечатление испортил.

— Я просто базовые факты озвучил, — хохотнул Марк, протягивая другу руку для братского рукопожатия. — Предупредительная служба.

— Тебя послушать, так от меня вообще подальше держаться надо.

— Тим, девушкам уж точно от тебя подальше держаться надо.

— Сейчас обижусь и заплачу, — проныл Тимур, изображая глубокую драму. А затем, будто сбросив маску и обращаясь уже ко мне, добавил с открытой, лукавой улыбкой: — Марк говорил, что ты милая, но он, кажется, явно недооценил масштаб. Приятно познакомиться, Яна. Запрыгивай в машину, пока не превратилась в сосульку.

Машина стартанула так резко, что я мгновенно стала частью интерьера двери, вжавшись в сиденье. Пока за окном, словно в калейдоскопе, проплывали зимние пейзажи, достойные рождественской открытки — заснеженные ёлки-великаны, замёрзшие речушки, похожие на стеклянные ленты, дымящиеся трубы дачных домиков, — я размышляла. «Интересно, если сейчас поцеловать стекло, примерзну ли я к нему, как в детстве? Это было бы эпично для начала знакомства: «Вот, встречайте, Яна, она теперь часть вашего автомобиля».

Мысли прервало внезапное, твёрдое и тёплое прикосновение к моему плечу — рука Марка, перекинутая через спинку сиденья. Моё сердце немедленно устроило сальто-мортале с тройным винтом: «Он что, специально? Или просто страшует, чтобы я не ударилась на очередном резком повороте? А может, это такой дружеский, почти братский жест?». Сложные вычисления прервал голос Тимура, деловито комментировавшего дорогу.

Дачный посёлок с уютным названием «Лесная сказка» встретил нас не просто запахом дровяного дыма и хрустящим под ногами снегом, а целой симфонией зимних ароматов и звуков. Домики, укрытые пушистыми белыми шапками, выглядели уютно и немного сказочно, будто сошедшими со страниц иллюстрированной книги.

Особняком, в глубине участка, стоял нужный нам дом — не просто дача, а добротный деревянный сруб с резными ставнями, широким крыльцом, на котором уже мигали разноцветные гирлянды, и здоровенной трубой, из которой валил густой, дым. Сквозь большие окна струился тёплый, янтарный свет, а сам дом казался живым и приветливым.

— Ну что, гостеприимный дворец тебя впечатлил? — спросил Марк, замечая моё немое восхищение, с которым я разглядывала это царство дерева и снега.

— Ещё бы! — выдохнула я. — Тут только гномиков с фонариками не хватает для полного счастья.

— Гномики все внутри, — засмеялся Тимур, выключая

двигатель и поворачиваясь к нам с лукавой ухмылкой. — И некоторые из них, предупреждаю, слегка подвыпившие и чрезвычайно голодные. Готовься к атаке.

Глава 8

Яна

Войдя в дом, мы попали в объятия густой, праздничной атмосферы. Воздух был насыщен запахами хвои от ёлки в углу и сладковатой свежести мандаринов. А ещё — смехом и гомоном голосов. Нас встретила не просто компания, а странная, пёстрая и удивительно живая команда, собранная, казалось, со всех уголков вселенной.

Первой кого я увидела была Лиза, как мне её представил Марк. Визуально она представляла собой семнадцатилетнего киберпанковского антагониста. Синие волосы, торчащие во все стороны, будто её только что ударило статическим электричеством. Образ дополняло длинное чёрное пальто до пят и грубые армейские ботинки. Она выглядела так, словно сбежала прямиком из постапокалиптического будущего, чтобы на время затеряться среди обычных людей. Сидела, сгорбившись над телефоном, и яростно хрустела целым огурцом, как злобный, но очень стильный хомяк.

— Мир-дружба-жвачка, — буркнула она в нашу сторону, не отрывая взгляда от экрана, и откусила ещё кусок огурца.

— Привет всем! Я Яна, — помахала я всей компании своей вязаной рукавичкой со смешным снежирём, чувствуя внезапный приступ неловкости под оценивающими взглядами незнакомых парней.

Далее мой взгляд скользнул к высокому парню, со спортивной фигурой и почти аристократичной осанкой. Его светлые волосы торчали в беспорядке, а аккуратная длинная чёлка спадала на лоб, — прямо как у Лео ДиКаприо в «Титанике». Его голубые, очень светлые глаза изучали меня с вежливым, но живым интересом, а в уголках губ пряталась едва заметная, загадочная улыбка. Когда он пожал мне руку, его ладонь оказалась удивительно мягкой и ухоженной для мужчины.

— Очень приятно, Яна. Я Саша. Много хорошего слышал о тебе, — сказал он, и его спокойный, бархатный голос заставил моё сердце сделать ещё одно лишнее сальто. «Марк рассказывал обо мне! Друзьям!» — пронеслось в голове ослепительной мыслью.

— Не трать, — прошептал Марк мне на ухо, обнимая за плечи и мягко подталкивая вперёд, к медведю-человеку. — Он только выглядит как медведь, которого разбудили посреди зимы. На самом деле внутри — стопроцентный плюшевый мишка. Правда, Бодя?

— Кто тут плюшевый мишка!? — огрызнулся Богдан, но в его глазах тут же мелькнула быстрая, добродушная усмешка. Голос у него был низким и хрипловатым, будто простуженным от зимнего воздуха.

Богдан был настоящим исполином, затмевающим всех в комнате. Двухметровый богатырь с плечами, на которых, казалось, могла бы комфортно разместиться небольшая маши-

на, и ладонями размером с лопату. Его тёмно-зелёные, как хвойный лес, глаза оценивающе, но беззлобно скользнули по мне. Когда он просто кивнул в знак приветствия, я невольно съёжилась — такой он был огромный и монументальный.

— А теперь, раз уж все в сборе, кто со мной к мангалу? Шашлык, между прочим, сам себя не перевернёт, и маринад не проконтролирует. Идём, новобранец, — он кивнул в мою сторону, — составишь компанию? Теорию «шашлыковарения» надо постигать на практике.

Марк слегка подтолкнул меня вперёд, к Богдану:

— Поможешь? А я пока сумки занесу.

Когда мы вышли на крытую веранду, где стоял мангал, от него так и веяло сконцентрированным жаром. Богдан, с важным видом заправского шеф-повара, стал нанизывать мясо на шампур.

— Смотри и учись, — сказал он, но без высокомерия, скорее с гордостью мастера, делящегося секретом. — Огонь должен быть не яростным, а уверенным. Угольки, как золотые песчинки, ровный жар...

— Наш Бодя может сделать из обычного шашлыка произведение искусства, — подхватил, подойдя с подносом овощей, Тимур, слегка касаясь моего локтя. — В прошлый раз он так замариновал мясо, что даже я чуть не заплакал от умиления.

— Врёшь, как дышишь, — хрипло рассмеялся Богдан, но было видно, что комплимент ему искренне приятен, и угол-

ки его глаз сморщились в довольных лучиках.

Немного постояв с Тимуром и Богданом, я решила вернуться в дом, одной находиться в компании малознакомых ребят мне было как-то неуютно, и я решила помочь накрыть на стол.

Зайдя в дом, я к своему удивлению увидела, что Лиза, оторвавшись наконец от телефона, ловко орудовала огромным поварским ножом, с виртуозной скоростью нарезаая овощи для салата. Помидоры, огурцы, перцы — под её рукой они превращались в идеально ровные кубики и соломку с такой скоростью, что я начала подумывать, не участвовала ли она в скрытых кулинарных боях или конкурсе «Шеф-нож за 60 секунд».

— Ты где так научилась? — поинтересовалась я, осторожно отодвигаясь на безопасное расстояние от этого опасного, но впечатляющего арт-перформанса.

— В интернете, — буркнула она, не прерываясь и мастерски выписывая ножом пируэты вокруг очередного помидора. — Видео всякие. И ещё в детстве ножики коллекционировала. Разные.

— Коллекционировала... ножи? — переспросила я, чувствуя, как где-то в подсознании замигал тревожный маячок. — Это... эээ... немного нестандартное хобби для девушки.

— Зато полезное, — она бросила мне быстрый, лукавый взгляд из-под синей челки и одним точным, почти незаметным движением разрубила огурец пополам с таким звонким

щелчком, что я вздрогнула. — Например, я могу нарезать салат за две минуты, починить проводку, если что, и... ну, в общем, просто могу нарезать. Что угодно.

— Хорошо, что ты на нашей стороне, — пошутила я, пытаясь снять напряжение. — А то я уже представляю, как ты в темном переулке... эээ... готовишь винегрет для гопников.

— О, это было бы зрелище! — засмеялась Лиза. Ловким движением, больше похожим на фокус, она подбросила нож в воздух, сделал им пируэт и поймала за рукоять, как опытный фехтовальщик. — «Кошелек или салатик?»

Марк, проходивший мимо с кастрюлей уже пожаренного шашлыка, только покачал головой и вздохнул:

— Лиз, может, всё-таки отдашь нож взрослым? А то я уже предвижу страховой случай.

— А я что, не взрослая? Мне шестнадцать! — она обиженно надула губы, но нож всё же положила на стол с подчёркнуто небрежным видом. — Ладно-ладно. Но запомните: если начнётся зомби-апокалипсис, вы все ко мне побежите.

Стол, благодаря общим усилиям, вскоре превратился в настоящий пиршественный алтарь. На нём красовалось всё: румяные овощи-гриль, лёгкий салат из свежих овощей с каплей оливкового масла, малосольные огурчики с укропом, сочные помидоры и ароматные дольки чеснока. В трёх разных соусниках стояли соусы — от обжигающе-острого аджики до нежно-сливочного «цезаря». Венчала эту композицию гора дымящегося шашлыка, накрытая листом лаваша, чтобы

сохранить жар. А по краям, как верные стражи пиршества, выстроились бутылки вина, пива и самая загадочная пузатая бутылъ под названием «Эликсир».

Саша с сосредоточенным видом, будто хирург перед операцией, расставлял тарелки и столовые приборы. Он периодически отступал на шаг, прищуривался, критически оценивал картину и снова что-то микроскопически сдвигал.

— Ты что, золотое сечение для сервировки стола высчитываешь? — поинтересовался Марк, разливая по бокалам красное вино.

— Просто пытаюсь добиться идеального баланса и равного доступа, — совершенно серьёзно ответил Саша, наклоняясь и слегка двигая тарелку ближе к зелени. — Чтобы у каждого была эргономичная дистанция до шашлыка, закусок и напитков. Это важно для комфортного приёма пищи.

— О боги, — с преувеличенным ужасом закатила глаза Лиза, «грациозно» развалившись на стуле. — Сейчас он достанет из кармана лазерный дальномер и начнёт замерять углы падения света на салатницу. Или вычислит оптимальную траекторию для вилки.

— А что, неплохая идея, — Саша на полном серьёзе потянулся к карману своих идеально отглаженных брюк, как будто там и вправду мог лежать измерительный прибор.

— Да садись уже, эстет! — не выдержал Богдан. Одним плавным движением, несмотря на свой размер, он подхватил Сашу под мышки, как котёнка, и усадил на стул, мягко по-

додвинув его к столу. — Еда стынет, а ты тут про эргономику. Главная эргономика сегодня — расстояние от шашлыка до рта. И оно должно быть минимальным!

Тимур, довольный всеобщим сбором, поднял свой бокал, звонко стукнув по нему ножом, чтобы привлечь внимание:

— Так, друзья мои, тишина в зале! Поднимаю первый, он же традиционный, тост за новое знакомство! За Яну, которая, судя по всему, единственная храбрая (или безрассудная) дурочка во всей вселенной, способная выдержать наше общество, а главное — самого Марка, дольше стандартных пяти минут!

— Эй! — возмутился Марк, но протест его был скорее ритуальным, а глаза так и смеялись, глядя на меня.

— За Яну! За новичка! — хором, с весёлым энтузиазмом подхватили остальные, звонко чокаясь.

Правда, у Лизы с энтузиазмом было не очень. В её бокале вместо вина плескалось розовое детское шампанское. Как постановил Бодя: «Спиртное детям не игрушка, а вот детское шампанское — это уже почти по-взрослому». Она скорчила обиженную гримасу, но сладкий напиток всё же потягивала.

Я почувствовала, как по лицу разливается жар, когда Марк легонько стукнулся своим бокалом о мой. На миг его тёплые, сухие пальцы коснулись моих, холодных от волнения, и по спине пробежала знакомая, но от этого не менее приятная дрожь.

— Не слушай их, — наклонился он ко мне. — На самом деле я очень милый и тихий. Просто они меня развратили за годы дружбы.

— Правда, что ли? — фыркнула Лиза, чей слух, видимо, был настроен на улавливание любых, даже самых тихих, сентиментальностей. Она ловко поймала в воздухе кусочек хлеба, который Марк в шутку бросил в неё. — А помнишь, как ты в прошлый раз, когда...

— Лиза! — Марк бросил в неё уже оливкой, но она снова поймала её ртом.

— Спасибо, очень вкусно, — с нагловатой, победной ухмылкой поблагодарила она, разжёвывая. — Ну что, продолжаем банкет? А то у меня ещё куча архивного компромата на всех присутствующих. Про каждого — по две истории минимум. Начинаем с Богдана и его свидания...

— Хватит болтать! — громогласно, перекрывая все голоса, провозгласил Богдан, — Берите шашлык, пока горячий!

Я взяла свой кусок мяса, откусила — и мир вокруг на секунду перестал существовать. Мясо было не просто вкусным. Оно таяло во рту, пропитанное дымком, сладковатым маринадом и пряными травами, оставляя послевкусие, от которого хотелось закрыть глаза и тихо застонать от блаженства.

— Божественно, — вырвалось у меня само собой, без всякого преувеличения.

— Видишь, — Богдан самодовольно поднял подбородок,

расправляя могучие плечи. — Вот она, сила маринада и правильного огня.

— Только не зазнавайся, шашлычный нарцисс, — поддразнила Лиза, но в её голосе сквозила явная гордость за него. — А то в следующий раз я в маринад чего-нибудь подмешаю. Остренького. Очень.

Тимур тем временем с таинственным видом алхимика, создающего эликсир вечной молодости (или, наоборот, быстрой потери памяти), разливал что-то янтарное и густое по маленьким рюмкам из большой пузатой бутылки под названием «Эликсир». Жидкость переливалась тёплыми, медовыми оттенками, оставляя на стекле маслянистые «ножки» — верный признак серьёзной крепости и того, что утро действительно может оказаться «интересным».

— А это, — торжественно объявил он, ставя передо мной одну из таких рюмочек с таким видом, будто вручает орден или ключ от города, — наш фирменный напиток для посвящения в круг избранных. Называется «Эликсир - Память на-утро». Секретный рецепт, передаётся из поколения в поколение... ну, в нашем случае, из одной пьяной вечеринки в другую.

— То есть... её не будет? Этакой самой памяти? — уточнила я, с лёгким скепсисом разглядывая странный напиток и осторожно принюхиваясь. Аромат был сложным — чувствовались ноты крепкого алкоголя, трав, перца, цитруса и чего-то сладкого, может, мёда.

— Именно в этом и есть фишка названия! — радостно воскликнул Тимур. — Но зато весело будет сейчас! Гарантировано. Проверено на пяти поколениях студентов, двух свадьбах, одном разводе и... — он понизил голос до конспиративного шёпота, — одном крайне неудачном свидании нашего дорогого Богдана.

— Эй! — рывкнул Богдан с другого конца стола, так что стеклянные стаканы слегка звякнули. Он сжал кулачищи размером с грейпфрут. — То свидание было стратегически важным разведывательным мероприятием! И прошло оно... в целом... нормально! — Его густые брови грозно сдвинулись, образуя глубокую складку гнева и обиды между глаз, когда он уставился на Лизу, явно считая её источником утечки информации. — Просто кое-кто... — он сделал паузу для драматического эффекта, — слишком любит совать свой любопытный носик, куда его совсем не просят!

— Подумаешь, трагедия, — Лиза демонстративно закатила глаза так, что видны были только белки. — Может, я тебя тогда спасла от пожизненного заключения в отношениях с той... как её... маникюршей? Ты бы сейчас не шашлыки жарил, а стразы на ногти клеил под её диктовку.

— Во-первых... — начал Богдан, поднимая указательный палец размером с банан.

— Во-первых, хватит уже выяснять отношения, — перебил Марк, швырнув в обоих по оливке (Лизе — которую она снова поймала, Богдану — которая отскочила от его груди,

как горошина). — Вы портите аппетит и отвлекаете от главного — от поедания этого божественного шашлыка. И от знакомства Яны с нашими... традициями.

— Мир, дружба, жвачка и немедленное перемирие за столом! — торжественно провозгласил Тимур, поднимая свою рюмку с «эликсиром». — Все ссоры — после десерта. А пока — за новую жертву... тьфу, то есть за нового друга!

Я всё ещё скептически разглядывала свою рюмку, будто это пробирка с неизвестным химическим веществом.

— И... много людей в целом благополучно пережило эту вашу... инициацию? — осторожно поинтересовалась я.

— О! — Тимур радостно потёр руки. — Статистика впечатляет и обнадеживает: 87% выживаемости с полным восстановлением функций, 12% — с временной амнезией на события вечера (что иногда даже к лучшему), и один уникальный случай, когда парень после третьей рюмки вдруг заговорил на чистом латинском. Правда, — он задумчиво почесал подбородок, — может, он его и до этого знал, просто забыл...

Марк с улыбкой наблюдал за моими сомнениями, его взгляд был тёплым и ободряющим:

— Не бойся, я буду рядом. Как официальный спонсор твоего трезвого утра и ответственный за твоё возвращение в город в человеческом облике.

— Ой, какие нежности, прямо тает сердце, — передразнила Лиза, склонив голову набок и сделав умильное лицо. — Может, вам отдельную комнатку приготовить, чтобы не

смущать публику? Со свечами и лепестками роз? За отдельную плату, конечно.

— Лизка, ты сегодня особенно остроумна и дерзка, — засмеялся Марк, но в его голосе не было раздражения. — Может тебе съесть конфетку, чтобы смягчить нрав? Ну что, Смайлик, рискнёшь? Хотя символически? Для единения с коллективом.

Я вздохнула, ощущая себя на перепутье. С одной стороны — дикий интерес и желание не ударить в грязь лицом. С другой — здравый смысл, рисовавший мрачные картины утра.

Взяв рюмку, я глянула Марку прямо в глаза, в которых плескалось понимание и лёгкая насмешка:

— За науку! Хотя, кажется, это уже больше похоже на шаманские практики...

— Точно! — оживился Тимур. — Идея! Следующий вариант мы будем настаивать на лунном свете и под песни бубна.

Все дружно чокнулись, звон стекла прозвучал бодро и решительно. Я зажмурилась и выпила рюмку элексира. Ощущение было... ярким. Напиток обжёг горло густым, сладковато-пряным пламенем, заставил глаза непроизвольно зажмуриться, а по телу сразу разлилась волна интенсивного тепла. Но потом, когда первый шок прошёл, осталось странное, глубокое послевкусие с травами и мёдом, а мир вокруг действительно стал каким-то более мягким, уютным и чуть размытым по краям.

— Ну как? Первые впечатления от вступления в клуб? — с живым интересом спросил Тимур, наблюдая за моей реакцией.

— Знаешь, — я кашлянула, чувствуя, как слегка слезятся глаза от крепости, — возможно, в твоих словах и правда есть доля магии. Потому что согласиться выпить это добровольно второй раз сможет только человек, у которого напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

— Зато теперь ты официально своя! — радостно воскликнул Богдан и с таким энтузиазмом потянулся, чтобы налить мне добавки, что моя рюмка угрожающе переполнилась. — Принята в закрытый клуб «Утром будет больно, но сейчас — огонь»! Членский билет и инструкцию по выживанию на следующее утро вышлем на почту. В комплекте идёт номер ближайшего токсикологического центра и список проверенных средств от похмелья.

Марк только покачал головой и забрал у меня рюмку с эликсиром, а потом протянул мне стакан с обычной водой:

— Держи, главное противоядие.

— Тимур, ты хоть предупредил её, что после первой рюмки обычно начинаются галлюцинации? — подал голос Саша.

Тимур задумчиво почесал подбородок:

— Если честно, я до сих пор не уверен, галлюцинации это или ...

— О, точно! Помните того мужика...? — оживился Богдан, размахивая рукой так, что едва не задел абакс. — Это

было нереально! Он сразу после первой утверждал, что он — переродившийся самурай, и пытался драться в стиле «Мортал Комбат»! С криками «Фаталити!» и всем таким.

Я скептически подняла бровь:

— И сколько же «членов клуба» благополучно пережили эту вашу инициацию?

— По официальной статистике — все! — торжественно объявил Саша. — По неофициальной... Ну, есть пара людей, которые до сих пор верят, что они потомки древних викингов. Но это, считай, бонус.

Я с ужасом посмотрела Марка:

— Может, я пока ограничусь статусом «кандидата в члены»?

Точка невозврата пройдена с первым глотком. Но как официальный спонсор твоего трезвого утра и главный по логистике возвращения, я настаиваю на стратегической паузе. Давайте лучше шашлыка наедемся, пока он есть. Это проверенный, безопасный и вкусный способ культурного обмена.

— Верно подмечено! — Богдан тут же забыл про алкогольные дискуссии и с гордостью поднял шампур, увенчанный ароматными кусками мяса, как король Артур — Экскалибур. — Вот он, истинный смысл встречи! Не питьё, а вкушение! К мясу, друзья!

Все с радостным согласием снова потянулись к общему блюду, а я с чувством глубочайшего облегчения прильнула к своему стакану с чистой, холодной водой, мысленно благо-

даря Марка за это островок трезвости и заботы в море дружеского безумия.

Глава 9

Марк

Будильник взорвался в 5:45, выдергивая меня из сна, которого, казалось, не было вовсе. Я встал с ощущением, будто меня переехал грузовик, потом развернулся и проехал ещё раз для верности, а на прощание выгрузил на голову пару тонн битого асфальта.

За окном царила крошечная, почти физическая тьма, и лишь тусклый желтоватый свет фонаря едва пробивался сквозь густую снежную круговерть, намекая, что мир за стеклом всё ещё существует. Январская Москва в это утро определённо никого не щадила.

После новогодних праздников, благодаря старым и прочным связям отца Тимура, мне удалось устроиться стажёром в Центр Беспилотных Систем «Аэроквант» — огромный, футуристичный технопарк на окраине города, чьи хай-тек здания из стекла и бетона издали напоминали гигантские, строгие улы. Внутри же царил творческий хаос, который и был двигателем всех инноваций: бесконечные белые коридоры были заставлены стендами с прототипами дронов всех форм и размеров, а воздух постоянно гудел — то от жарких споров инженеров, то от монотонного треска паяльников, то от тестового жужжания моторов.

Моё рабочее место представляло собой угловую лабора-

торию на четвёртом этаже с огромным панорамным окном, за которым сейчас клубился и кружился снег. Стол под ним был буквально утоплен в хаосе: переплетения разноцветных проводов, платы с торчащими контактами, блоки питания, разбросанные инструменты и, конечно, несколько мониторов, на которых вечно был открыт редактор кода с бесконечными строчками. Первый месяц стажировки давался невероятно тяжело — каждый день приходилось доказывать не словом, а делом, что я здесь не просто благодаря связям, а сам что-то стою и могу принести пользу.

— Марк, к полудню проверь и наладь алгоритм распознавания динамических препятствий для нового навигационного модуля, — бросал, не отрываясь от трёх мониторов, техдир Артём. Его кабинет, отделённый от общего пространства стеклянной стеной, напоминал бункер: стены были увешаны графиками и чертежами, а на полках в строгом порядке стояли десятки дронов — от крошечных квадрокоптеров размером с ладонь до серьёзных промышленных монстров с захватами для грузов.

Рабочий день обычно начинался с погружения в километры кода. Иногда уже к полудню глаза начинали немилосердно слипаться от мелькания бесконечных строчек на тёмном экране, а пальцы сами искали на клавиатуре точки с запятой и фигурные скобки. В короткие перерывы, пока кипел чайник, я украдкой листал конспекты на планшете — учёбу в вузе никто не отменял.

На самом краю стола, среди микросхем и паяльного оборудования, стоял мой личный талисман — крошечный, почти игрушечный дрон с нелепыми розовыми пропеллерами. Подарок от Яны. Глупая, бесполезная в профессиональном плане вещичка, но, когда от безысходности или скуки я запускаю её, и она со смешным, высоким жужжанием носится между стеллажами, даже наш обычно угрюмый техдир Артём не мог сдержать кривоватой улыбки.

Дорога в университет на метро по утрам была отдельным испытанием. Я втиснулся в вагон, зажатый между студентом в наушниках и бабушкой с авоськой, от которой пахло советским прошлым.

В такие моменты меня накрывали мысли о Яне. А точнее — о её сообщениях, которые приходили с точностью будильника: ровно в тот момент, когда мозг уже готов был капитулировать перед парой по квантовой физике. «А вот интересный теоретический вопрос! Можно ли с помощью дрона есть шашлык? Ну, чисто технически. Кладешь кусок мяса на специальную платформу-дрон, тот летит и с точностью до миллиметра кидает его прямо в раскрытый рот! Ведь технологии в первую очередь должны облегчать быт, а не только следить за нами через камеры, правда?»

Я не мог не улыбнуться, тут же представляя её смех — звонкий, заразительный и чуть хрипловатый от восторга. Яна была как тот самый розовый дрон в моей лаборатории

— яркая, нелепая, шумная и совершенно, категорически не вписывающаяся в мой идеально выверенный, распланированный по минутам график. И в то же время — ставшая его неотъемлемой, освежающей частью.

Даже на самых серьёзных лекциях, например, по термодинамике, вместо сложных формул и графиков перед глазами почему-то упрямо всплывали её карие, смеющиеся глаза, усыпанный веснушками нос и эта её фирменная, до ушей, улыбка. Рука предательски сама тянулась к телефону в кармане, будто на автопилоте:

«Ты сегодня хотя бы поела нормально?»

Ответ, как правило, приходил почти мгновенно: «Ааа, ты как моя бабушка! Не волнуйся, я поспала, покушала, на горшок сходила!»

Я закатывал глаза, сдерживая смех, и почему-то чувствовал, как на лице расцветает та самая, глупая улыбка, которую так легко провоцировала Яна.

Поздние вечера, когда основная часть сотрудников и студентов уже расходилась по домам, я чаще всего проводил за доработкой своего дипломного проекта. Лаборатория пуста, и в тишине, нарушаемой только монотонным гулом серверов и вентиляторов, оставался наедине с потоком собственных мыслей. Именно в такие часы тишины и одиночества прошлое настигало меня с особой силой.

После всей той истории с Никой я дал себе железное слово — никаких глубоких привязанностей, никаких отношений,

где можно снова ранить или быть раненым. Наша дружба с Яной должна была оставаться именно дружбой — светлой, безопасной, без обязательств. Но с каждым днём, с каждой её шуткой и заботливым сообщением эта чётко очерченная грань становилась всё прозрачнее, всё тоньше, словно тающий на окне лёд.

— Ты опять здесь? — охранник Василий привычно хлопал меня по плечу. — Иди уже, парень, а то с ума сойдёшь.

Я выключил компьютер.

На улице, выйдя из здания, я попадал в другую реальность. Шёл снег — густой, пушистый, медленный, как будто кто-то наверху неспеша вытряхивал гигантскую пуховую подушку. Остановившись под фонарём, я сфотографировал эту тихую метель и отправил снимок Яне с простой подписью:

«Снегопад. К утру будет гололёд. Пожалуйста, не беги, как сумасшедшая, на пары. А то упадёшь и что-нибудь сломаешь.»

Ответ приходит практически мгновенно, будто она дежурила у телефона:

«Фигушки! Буду бежать! Зато если упаду — ты меня поднимешь! Как в тот самый первый раз, помнишь?»

Я сжал телефон в руке, ощущая, как привычная тяжесть на душе смешивается с чем-то тёплым и тревожным одновременно. Вот в чём была главная проблема: я искренне хо-

тел быть для неё просто тем парнем, который всегда рядом, чтобы поднять, поддержать, помочь. Но всё чаще ловил себя на мысли, что Яне, со всем её пылом и открытостью, вероятно, хотелось от меня чего-то гораздо большего. А я боялся даже допустить эту мысль.

Прошрое, как тень, по-прежнему стояло за спиной. И в тишине ночи, под шёпот снега, в голове снова всплывал навязчивый образ: светлые, почти льняные волосы, собранные в небрежную косу, большие голубые глаза, смотрящие с бездонной грустью, и этот тихий, разбитый голос, произносящий слова, которые до сих пор отзывались эхом...

Телефон в руке снова завибрировал, резко возвращая в настоящее. Сообщение от Яны:

«Кстати, завтра великая тубинг-экспедиция! Я уже купила два билета на весь день на Воробьёвых горах. Ты не против, да? Только честно! Если против — я сама съеду сто раз, но буду обижена. Немного.»

Я смотрел на экран, и тяжёлые мысли понемногу отступали, растворяясь в предвкушении её смеха, хаоса и этой безумной гонки с ветром.

«Не против, — отправил я в ответ. — Но только если обещаешь не пытаться установить мировой рекорд по скорости.»

И, как всегда после её сообщений, сам не заметил, как лицо расслабилось в улыбке, а грустные думы отступили. Пусть ненадолго. Пусть только до следующего утра. Но этого хва-

тало, чтобы сделать следующий шаг.

Глава 10

Яна

Зима пролетела незаметно — с её колючими, студёными морозами, сугробами по пояс и новогодними огнями, которые теперь казались таким далёким, почти сказочным воспоминанием, словно сон после пробуждения.

Сессию я, к собственному удивлению, закрыла почти на одни «отлично». «Я могу, я знаю!» — повторяла я себе с лёгким недоверием, разглядывая аккуратные записи в зачётке. Оказывается, я умела не только гонять мысли о мультфильмах и смешить людей, но и систематизировать знания. Это открытие было слаще любой пятёрки.

После праздников, чтобы не зависеть от родителей, устроилась в небольшое кафе быстрого питания недалеко от института. Быстро научилась ловко заворачивать бургеры так, чтобы соус не вытекал на первые же пять минут, и освоила рискованное искусство переноски пяти стаканов кофе в одной руке — навык, достойный циркового артиста. Платили немного, но заработанного хватало на маленькие, но важные для души радости — на новые духи с ярким, бодрящим ароматом цитруса и помаду того самого нежного оттенка розового, который был едва замечен на губах, но делал их чуть свежее.

Наша разноголосая, весёлая компания виделась в этот пе-

риод редко, будто нас раскидало по разным планетам. Ребята пропадали в своих институтах, зарывшись в курсовые и лабораторные, Богдан и вовсе исчез на военных сборах, откуда присылал исключительно мрачные фото в камуфляже, а Марк, благодаря связям отца Тимура, устроился стажёром в серьёзный Центр Беспилотных Систем. Его график стал сумасшедшим: после пар он мчался через полгорода, чтобы до ночи «развивать отечественные высокотехнологичные проекты будущего», как он сам говорил с усталой, но гордой улыбкой.

Но мы всегда, несмотря на занятость, оставались на связи. Тоненькой, но прочной ниточкой были наши общие чаты, где то и дело вспыхивали споры о музыке, мемах и планах. Каждые выходные я с упорством стратега строила эти самые планы, закидывая его идеями — то поход в кино на очередной блокбастер, то катание на коньках на ВДНХ, то просто бесцельные, но такие важные прогулки по ночной, подсвеченной Москве.

Марк, как всегда, отзывался своей коронной фразой: «Я за любой кипиш, кроме голодовки и явного нарушения Уголовного кодекса». И мы находили эти несколько часов, чтобы побыть вместе.

А потом, исподволь, украдкой, пришла весна. Не стремительная, а осторожная, но тёплая, душистая, наполненная щебетом вернувшихся птиц и первыми, робкими, салатowymi листочками на ещё голых ветках. И вот, наконец, нам

удалось собраться всем составом, чтобы с размахом открыть долгожданный сезон шашлыков на даче у Саши. Первое мая — сам Бог, как говорится, велел. Праздник весны, труда и жареного на углях мяса.

Накупив гору маринованного мяса, свежих овощей и прочей традиционной снеди, мы, преодолев субботные пробки и собственное нетерпение, наконец добрались до загородного дома. Парни, едва переступив порог, сразу с воодушевлением погрузились в «мужские дела» — разжигали мангал, ожесточённо спорили о степени прожарки мяса и, конечно, периодически поглядывали на нас с Лизой, как мы неспешно расхаживали по ещё просыпающемуся участку, любуясь яркими тюльпанами и наливающимися сиреневыми кистями.

— Как думаешь, — прервала задумчивое молчание Лиза, уютно укутавшись в большой клетчатый плед на садовых качелях, — есть ли в природе реальный, работающий способ влюбить в себя парня? Не из книжек, а на практике. Алгоритм действий, так сказать.

Я глубоко вздохнула, украдкой, краем глаза глянув на Марка. Он стоял у дымящегося мангала, смеясь над очередной шуткой Тимура, и вечерние солнечные блики, пробиваясь сквозь листву, играли в его тёмных, чуть растрёпанных ветром волосах. Он выглядел таким... своим. И таким недосягаемо далёким одновременно.

— Не знаю, Лиз... — прошептала я в ответ, отворачиваясь. — Если бы знала такой секретный рецепт, давно бы уже

пустила его в ход.

Правда была в том, что мы с Марком застыли на какой-то невидимой, но прочной грани между дружбой и чем-то большим. Его спокойное тепло, его надёжность, готовность всегда быть опорой — всё это было так близко, так привычно... и в то же время бесконечно далеко от того, о чём я по ночам тихо мечтала.

— Девчонки! — раздался оклик Саши, выглянувшего из-за угла дома. — Нужна ваша помощь. Неотложная.

— Без проблем! — хором, с готовностью откликнулись мы, радуясь смене деятельности.

— В доме лежит жидкость для розжига. В комод на первом этаже. Принесёте?

Я обрадовалась поручению — сидеть без дела моей гиперактивной натуре быстро надоело.

Внутри пахло старым деревом, едва уловимой пылью и чем-то неуловимо домашним, уютным. Комод, о котором говорил Саша, стоял в полутьме гостиной — массивный, тёмного дерева, явно старинный, с тяжёлыми литыми ручками. На нём, как на алтаре семейной истории, стояли в рамках чёрно-белые и цветные фотографии, неторопливо тикали настольные часы и лежал лёгкий, бархатный слой пыли.

Жидкость для розжига нашлась быстро — Саша, как и ожидалось, хранил всё в идеальном порядке, по полочкам и с этикетками.

— Ой, смотри-ка! — воскликнула Лиза, вытаскивая из-

под стопки салфеток толстую книгу в потрёпанном, местами потертом переплётё.

— Любопытно... — протянула я, чувствуя внезапное, щемящее замирание сердца. — Давай одним глазком глянем. Чисто из антропологического интереса.

Страницы шуршали под пальцами, пахли временем — сухим, сладковатым. Чёрно-белые и первые цветные, ещё несовершенные снимки, многие уже пожелтевшие по краям. Улыбки родителей, детские утренники, заснеженные ёлки... История семьи в моментах. И вдруг...

— О, гляди-ка! — Лиза ткнула пальцем в разворот. — Наши герои в юности.

Я наклонилась. На снимке, сделанном явно на даче, летним днём — Саша, лет десяти, щурящийся на солнце, рядом с улыбающимися родителями у того самого мангала. А вокруг...

— Это же они все! — прошептала я с интересом.

Тимур, уже тогда хулиганистый, корчил рожу, изображая обезьянку, Богдан, ещё не такой исполинский, но уже крепкий, хохотал во весь рот, демонстрируя почти выпавшие молочные зубы, Саша с серьёзным, сосредоточенным видом тянулся за шашлыком, словно выполнял важнейшую миссию...

Марк. Мальчишка с задорной, беззаботной улыбкой до ушей, со взъерошенными на пробор волосами, в мятых шортах. И... девочка. Он держал её за руку. Она была маленькой,

хрупкой, в светлом летнем платье в горошек и с огромным, почти с её голову, бантом. Лицо её было серьёзным, а глаза, большие и светлые, смотрели прямо в объектив.

— Девчонки, мы вас там потеряли, — раздался за спиной спокойный, знакомый голос.

Я вздрогнула и резко выпрямилась.

В дверном проёме, залитый светом с улицы, стоял Марк. Он пах дымом. Волосы были растрёпаны, а в глазах ещё плескались отсветы недавнего смеха. Он легко шагнул в комнату, и я почувствовала, как сердце забилося чаще и громче, отдаваясь в висках.

— А что это у вас такое интересное? — спросил он, беззаботно заглядывая через моё плечо в альбом.

— Фотографии... из детства, — немного сбивчиво ответила Лиза, отодвигаясь, чтобы дать ему место.

Марк легко взял открытый альбом в руки, и я увидела, как его лицо начало меняться. Сначала улыбка просто застыла, превратившись в странную, неподвижную маску. Потом, очень медленно, будто против воли, начала сползать с губ, исчезая без следа. Но самое страшное произошло с глазами. Ещё секунду назад в них сияло веселье, жизнь — теперь они потухли, стали плоскими, какими-то... пустыми и отстранёнными, будто он смотрел не на фотографию, а куда-то далеко, внутрь себя.

— Сколько вам тут лет? — спросила я, стараясь звучать легко, пытаясь разбить нарастающую ледяную тишину, ко-

торая вдруг сгустилась в комнате.

— Лет по десять, наверное, — ответил он глухо, механически потирая подбородок. Голос звучал отчуждённо.

— Вы такие забавные, все, — насильно выдавила я улыбку, пытаюсь вернуть всё в русло обычной беседы. — А это... это кто? — осторожно, почти несмело, ткнула я пальцем в ту самую девочку в платье.

— Ника, — отрубил он. — Младшая сестра Саньки.

— У него есть сестра?! — удивилась я. — Почему ты никогда...

— Она уехала, — резко, почти грубо перебил он меня. Его движения стали резкими, порывистыми. Он захлопнул альбом с такой силой, что сухой треск корешка отозвался в тишине комнаты. Его пальцы, обычно такие точные и спокойные, впились в потёртую обложку, будто он и вправду мог раздавить, уничтожить эту память в одном кулаке. Лицо окаменело, став абсолютно непроницаемой, гладкой маской, за которой ничего нельзя было разглядеть. Но где-то в самой глубине его глаз, в тёмных зрачках, тлея, не гасла какая-то острая, живая искра. Боль? Гнев? Тоска? — Давно.

Тишина после его слов сгустилась, стала осязаемой, тяжёлой, как свинцовый дым после внезапного взрыва. Даже наше дыхание в этой тишине казалось громким, неловким.

Марк резко дернулся с места, швырнув в воздух фальшивую легкость:

— Ну что, — бросил он через плечо, уже хватаясь за двер-

ную ручку. Голос его звенел неестественной, вымученной бодростью. — Хватит копать в древностях. Пойдёмте лучше жарить шашлык, ради которого, собственно, и собрались. А то ребята без нас всё сожгут.

И он вышел, оставив за собой лишь лёгкий запах дыма и ощущение ледяной трещины, прошедшей по воздуху.

А мне...

Мне в тот момент было уже совсем не до шашлыков. Его внезапное, острое напряжение, как электрический разряд, пронзило и меня. Что-то в этом старом альбоме, в этой девочке с бантом, в этом сухом, как осенний лист, слове «давно» — ломало его. И теперь, глядя на захлопнувшуюся дверь, я с ужасом понимала, что это невидимое ранение, эта тень прошлого, кажется, начинала ломать и меня, и всё то хрупкое, что было, между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.